

УДК 81`27:811.512.37

ББК 81.2(2Рос=Калм)

РАДОСТЬ И УЛЫБКА КАК ЗНАКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ КАЛМЫКОВ**И. М. Митриев, Т. С. Есенова*

Радость, одной из невербальных репрезентаций которой является улыбка, представляет собой разновидность общечеловеческой положительной эмоции. Язык является важным средством выражения любых эмоций, в том числе положительных, и средством эмоционального воздействия на собеседника.

Значение, функции, языковые репрезентации феноменов улыбки и радости в культуре калмыков до настоящего времени специально и глубоко не изучались. Однако необходимо отметить, что существуют две научные работы, в которых рассматриваются эмоциональные концепты. Так, *улыбке* посвящена статья «Лексикон жестов-улыбок в монгольской лингвокультуре» известного исследователя Г. Ц. Пюрбеева [Пюрбеев 2008: 24–28]. В ней автор представил классификацию улыбок по физиономическим признакам и проанализировал лексические средства их обозначения на материале монгольской лингвокультуры. В статье А. Э.-Г. Улановой и Э. Н. Санджиевой «Концепты “смех” и “слезы” в калмыцком языке» [Уланова, Санджиева 2006: 157–162] рассматриваются средства объективации указанных эмоциональных концептов на материале калмыцкой лингвокультуры.

Обращают на себя внимание труды и других ученых (И. С. Стернина, Л. М. Салминой, К. М. Дружининой, М. А. Токаревой и др.), исследовавших коммуникативные процессы и ментальные единицы русской лингвокультуры, в силу тесного контактирования калмыцкого и русского этносов на протяжении четырех веков. Опираясь на эти работы, а также на достижения истории, психологии, философии и др., рассмотрим феномены *улыбки* и *радости* в лингвокультуре калмыков и особенности их обозначения.

В Российской Федерации, где проживают многочисленные народы, межкультурная коммуникация является лингвистиче-

ской реальностью. В процессе взаимодействия народов немаловажно знание обычаев того или иного народа, значение коммуникативных жестов, культурных традиций и особенностей ментального мира контактирующих этносов. Именно в ходе межкультурной коммуникации нужно быть особенно внимательными, так как любой жест, который мы используем в общении, может быть понят и осмыслен собеседником неправильно в том или ином случае. Эту мысль подчеркивает, например, Л. М. Салмина, исследователь из Казани. В своей работе «Улыбка как знак в коммуникативной культуре» она, в частности, пишет: «*именно улыбка является наиболее уязвимым местом при взаимодействии различных культур*» [Салмина 2003: 118].

В данной статье осуществляется попытка рассмотреть особенности фиксации изучаемых феноменов в современной калмыцкой прозе, поскольку художественные тексты являются репрезентативными средствами исследования ментальных образований, и в калмыцкой паремии, зафиксировавшей специфические особенности культуры и быта калмыков. Выбор в качестве материала этих источников объясняется тем, что в лингвокультурологических исследованиях особое значение имеют тексты художественного характера, позволяющие установить функционирование того или иного явления в сознании современных носителей языка, в то время как словарные дефиниции фиксируют осмысление явления в сознании безотносительно к фактору времени.

Согласно философскому словарю, *радость* — духовное чувство полноты бытия. С точки зрения гуманистической психологии, «радость — это то, что мы испытываем в процессе приближения к цели стать самим собой» [Философский словарь]. С. И. Ожегов определяет радость как веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения [Ожегов 2003: 628]. Радость как эмо-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке внутривузовского гранта ФГБОУ ВПО «КалмГУ» (№ 869).

ция знакома всем людям: нам нравится быть радостными, по возможности мы выбираем и ищем для себя те ситуации, в которых мы будем чувствовать себя счастливыми.

Радость, будучи позитивной эмоцией, определенным образом влияет на восприятие характера и в целом личности человека другими людьми. Можно в этой связи говорить о народах, склонных к большей или меньшей степени проявления данной эмоции. В статье «О калмыцком воспитании» Б. А. Захаров пишет, что калмыки являются жизнерадостными людьми, отмечая, что «исторически калмыки воспитывались так, чтобы с детства у каждого калмыка, калмычки было умение контролировать свои отрицательные эмоции и чувства, такие, как печаль, скорбь, страх, боль. Простой вздох считался грехом. Что интересно, калмычки не кричали даже во время родов. Суровые условия не позволяли нашим предкам даже на короткий промежуток времени быть пессимистами, поддаваться душевной или физической боли» [Захаров]. Как отметил И. А. Житецкий в 80-х гг. XIX в., «... калмыки чрезвычайно жизнелюбивы. Этим объясняется, между прочим, почти полное отсутствие среди калмыков самоубийств» [Житецкий 1893: 28].

Знаменитые американские исследователи Пол Экман и Уоллес Фризен определили несколько типов радости. В своем исследовании концепта «радость» мы будем исходить из классификации Пола Экмана, который различает следующие типы радости: возбуждение-радость, удовольствие-радость, облегчение-радость и радость, основанная на Я-концепции.

Каждый из нас становится внимательным, заинтересованным и увлеченным тем, что нас возбудило, — такой тип П. Экман называет возбуждением-радостью. Удовольствие-радость характеризуется тем, что каждый из нас испытывает внутри приятное ощущение, вызванное тем, что доставляет нам истинное удовольствие. Такой тип характеризуется тем, что мы испытываем его только тогда, когда, например, добиваемся поставленных целей, задач. Третий тип, по П. Экману, — это облегчение-радость. Этот тип радости сравним с прекращением неприятных ощущений, после которых каждый из нас испытывает радость. Подобным образом мы испытываем радость, когда утоляем голод или жажду. Четвертый тип радости позволяет человеку дать представление

о себе, подтверждает и укрепляет благоприятное отношение к себе. Ее причиной данный автор называет похвалу близких нам людей, дружбу, уважение людей, которых мы уважаем. Эта разновидность радости воспринимается как некая награда, она дает возможность почувствовать себя немного счастливым. Это более содержательная, «улыбающаяся» радость [Экман, Фризен 2010: 118].

Опираясь на классификацию Пола Экмана, проанализируем использование разных типов концепта «радость» и способов языкового выражения данного концепта на материале калмыцкой прозы [А. Б. Бадмаев, С. Л. Байдыев, А. Г. Балакаев, Н. Б. Нармаев, В. К. Шуграева, К. Э. Эрендженев]. Из всего материала методом сплошной выборки нами были выделены лексемы, репрезентирующие эмоцию «радость», и контексты, в которых они употреблены. В рассмотренных нами текстах наиболее часто репрезентируются такие виды радости, как радость-возбуждение и радость-удовольствие.

Для выражения эмоции радости в калмыцком языке используется базовая лексема *байр*, номинант концепта «радость». В лексико-семантическое поле концепта «радость» входят лексические средства, мотивированные корневой морфемой *байр* (*байр-бах*, *байрлһн*, *байслт*, *байсхли*, *бах*, *бахтлһн* и т. п.), и лексема *сергмж*.

Изучение художественных текстов показывает, что для передачи конкретного вида данной эмоции употребляются лексемы, конкретизирующие тип эмоции в каждом отдельно взятом случае. Приведем контексты, в которых выражается проявление «возбуждения-радости»:

1. *Лавган байр теңкэн уга* ‘радости Лавги не было предела’ [Балакаев 2008];
2. *Чеежм бээжэһэд-бээжэһэд эң зах уга байрар дүүрнэ* ‘сердце мое наполнено радостью’ [Байдыев 1963];
3. *Көгшн багш — школн директор хург секэд, байрта-бахтаһар хол-зүркнэсн һарсн бүләкн үгэрн цуһараһинь йөрэв* ‘Старый учитель, директор школы, открыв собрание, от всего сердца, наполненного радостью, сказал теплые слова благопожелания’ [Бадмаев 1963];
4. *Бидн эрк биш дишлвр бэрэд, Төрскн-ээж нуттан сулдхвр, гертэн байрта орж ирхвдн* ‘Мы непременно одержим победу, освободим родину-мать, с радостью возвратимся домой’ [Балакаев 1984];

5. *Көвүн намаг босндан **ик байрта** бээв* ‘Мальчик был рад, когда я проснулся’ [Балакаев 1993];

6. *Леежн дотран **ик байрта** бээхнь чирэ, нүдэрнь медгднэ* ‘По глазам и лицу Лееджи было видно, что он очень рад’ [Эрендженев 1976].

Выражение разновидности радости «удовольствие-радость» встречается в рассмотренных нами художественных текстах с такой же частотой, как и «радость-возбуждение». Приведем некоторые контексты:

1. *Дигиль мини уйсн хосиг аваад зөвэрт эргүлэд хэлэжэһэд, маасхлзжэ инэнэд, толһа деерэн өргэд, **байртаһар** келе:* — Залус, хосиг иигжэ уйх кертгэ! ‘Дигиль взял сшитые мной сапоги, пристально разглядывая, с радостью сказал: — мужчины, сапоги надо шить вот так!’ [Байдыев 1963];

2. *Клаван дүүрң төгрэ чирэ, тиньгр маңна **байрар** герлтэд* ‘Полное круглое лицо Клавы сияет радостью спокойствия и удовлетворения’ [Балакаев 1984];

3. *Иван Александрович, би танла таньлдсндан **ик байрта** бээнэв* ‘Иван Александрович, я очень рад знакомству с вами’ [Балакаев 1984];

4. *Үр көвүһэн үсн Аакуһин **байрт** теңкэн уга* ‘Радости Ааку не было предела при виде друга’ [Балакаев 1968];

5. *Берэснь көвүн төрсн зэңг ирхлэ, Жолда **ик байрта** бээв* ‘Когда пришла весть, что у невестки родился мальчик, Жолда был полон радости’ [Байдыев 1963];

6. *Санаһан күцэсн Муутл **байрта** бээнэ* ‘Мутл радуется исполнению задуманного’ [Бадмаев 2003];

7. *Үүдн секгэдэд, Церн Санл хойр инэмсклсн **байрта** оржэ ирв* ‘Распахнулась дверь, радостно улыбаясь, вошли Церен и Санал’ [Шуграева 1979].

В рассмотренных нами художественных текстах реже, чем указанные выше разновидности радости, выражается эмоция «радость-облегчение». Приведем некоторые контексты:

1. *Адгтан долан-нээмн жил ясвр угаһар йовх, — гинэд Байрта бас **байрлв*** ‘По крайней мере, семь-восемь лет без ремонта будет работать, — сказав, Байрта тоже порадовалась’ [Бадмаев 2003];

2. *Түрун даалһвриннь аш үзжэх Городовиковин **байрт**, омгт эң зах уга* ‘При виде результатов первого задания радости Городовикова не было предела’ [Балакаев 1968];

3. *Эмтн сиврин ут үвлэс эрүл-дорул, мөнд-амулң һарсн, **ик байрта** бээнэ* ‘Люди радуются, что вышли здоровыми и благополучными из холодной длинной сибирской зимы’ [Байдыев 1963];

4. *Мана күүкн бас арвдгч класс төгсэсн, аттестатан авчксн **ик байрта** бээсн саам билэ* ‘Было самое радостное время, когда наша дочь закончила десятый класс и получила аттестат’ [Нармаев 1961].

Улыбка, как мимический жест, является одним из проявлений радости. С. И. Ожегов определяет улыбку как мимическое движение лица, губ, глаз, показывающее расположение к смеху, выражающее привет, удовольствие или насмешку и другие чувства [Ожегов 2003: 814]. Являясь одним из элементов мимики, улыбка является культурно обусловленным конвенциональным знаком- жестом [Митриев 2013: 226], который выполняет определённые функции в процессе коммуникации. В каждой культуре жест улыбки обусловлен традицией, неписаными правилами, исторически сформировалось своеобразное отношение к улыбке как феномену человеческой жизни, который имеет определенное символическое значение.

Общеизвестно, что представители западной культуры, в частности, американцы, активно используют улыбку, в то время как русских именуют «неулыбчивой» нацией. Для представителей западной культуры улыбка — это в первую очередь показатель культурного поведения в обществе, сигнал вежливости при приветствии и в ходе коммуникативного общения. Как отмечает И. А. Стернин, «русская улыбка призвана быть только искренней, она рассматривается как искреннее выражение хорошего настроения или расположения к собеседнику» [Стернин 2000: 54].

Хотя у калмыков улыбка передаёт позитивный настрой, искреннее расположение к собеседнику, но представителей калмыцкого этноса нельзя назвать улыбчивыми людьми. Как показывают наши наблюдения, калмыки не используют улыбку так часто, как американцы. Улыбка у калмыков адресована только близким людям. Как и в русской культуре, улыбка у калмыков является адресной, используется исключительно как знак расположения к собеседнику, т. е. является искренней, осмысленной, служит знаком «я — свой, не враг». Улыбкой калмыки выражают радость, положительные эмоции, она не является «дежурной»,

не используется по отношению к незнакомым людям. Несмотря на редкость употребления, улыбка — все же важный элемент общения калмыков.

Анализ лексикографических источников показывает, что лексикон средств, вербализующих концепт «улыбка» в калмыцком языке, довольно обширен; существуют специальные лексические средства для обозначения улыбки: *инэмсглһн*, *маасхлһн*, *марзалһн*, *мусхлһн*, *мишәлһн*, *мишхлһн*. Каждое из данных слов входит в словообразовательное гнездо соответствующей корневой морфемы. Они обозначают разные способы улыбок: *инэмсглх* ‘улыбаться’, *мусхлх* ‘улыбаться’, *маасхлх* ‘улыбаться, ухмыляться’, *марзах* ‘расплываться в улыбке, осклабиться’, *мишхлх* ‘слегка улыбаться’, *мишәлх* ‘улыбаться, смеяться’. Последнее слово в Калмыцко-русском словаре имеет помету «высокое» [Муниев 1977: 353], помету «почтительное» имеет соответствующий глагол в толковых словарях монгольского языка [Лувсандэндэв, Цэдэндамба 2001: 333; Дамдинсурэн, Лувсандэндэв 1982: 754], что свидетельствует о постепенном сужении средств, репрезентирующих жест-улыбку в монгольских языках.

Производные от перечисленных корневых морфем сочетаются с прилагательными и наречиями, конкретизирующими разновидность улыбки: *байрта инэмсглһн* ‘радостная улыбка’, *сергмжтә инэмсглһн* ‘веселая улыбка’, *уйдлһта инэмсглһ* ‘трогательная улыбка’, *ичгтә инэмсглһн* ‘застенчивая улыбка’.

С улыбкой калмыки связывают открытость характера человека, что зафиксировано в калмыцкой паремии: *инәсн болһн нәәж биш*, *уурлсн болһн дәәсн биш* ‘не всякий, кто улыбается, — друг, не всякий, кто сердится,

— враг’. Наблюдая за выражением эмоций *улыбкой*, калмыки делают умозаключение о поведении человека: *инәж келсн күн — меклхин темдг*, *уульж келсн — һундлын темдг* ‘говорить с усмешливой улыбкой — признак коварства, а говорить с плачем — признак обиды’. На основе улыбки построены наблюдения о поведении в обществе: *чамд инәдн*, *нанд — ханядн* ‘тебе — улыбаться, а мне горько’. С учетом феномена улыбки народная педагогика замечает: *инәх күн олн олдх*, *сурһх күн олдхн уга* ‘охотников посмеяться найдется много, а людей, которые будут воспитывать, не отыщешь’, а также рекомендует: *инәсиг сур*, *уульсиг сурһ* ‘смеющегося расспрашивай, плачущего наставляй’.

Таким образом, можно заключить, что в калмыцком языке существуют разнообразные средства вербализации концепта «радость», мотивированные корневой лексемой *байр*. Данная лексема является номинантом концепта «радость». В изученных нами художественных текстах фиксируются контексты, отражающие такие разновидности радости, как «радость-удовольствие», «радость-возбуждение», «радость-облегчение». Разновидность радости «радость, основанная на Я-концепции», по П. Экману, в изученных текстах не отражена. Дальнейшие исследования будут направлены на определение контекстов, для которых характерен данный тип изучаемого феномена.

Улыбка, являющаяся невербальным средством выражения радости, также имеет разные средства обозначения в калмыцком языке. Улыбка у калмыков функционально мотивирована, адресна, искренна, употребляется всегда уместно. Она не является дежурной, не употребляется только из вежливости.

Источники

- Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл / Бег Аранзала. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 576 с.
 Бадмаев А. Б. Ээж / Мать: рассказы. Элиста: Калмгосиздат, 1963. 96 с.
 Байдыев С. А. Посвящение: стихи и поэма. Элиста: Калмгосиздат, 1963. 72 с.
 Балакан А. Буурл теетг / Седая степь. М.: Современник, 1968. 397 с.
 Балакан А. Залу зөрг: роман (негдгч дегтр). Элт: Хальмг дегтр һарһач, 1984. 283 с.
 Балакан А. Зерлг нохас: роман. Элт: Барин гер «Герл», 2008. 336 с.

- Балакан А. Һурвн зург: түүк. Элт: Хальмг дегтр һарһач, 1993. 37 с.
 Нармин М. Боова: рассказы и повести. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1961. 123 с.
 Шугран В. Түүрүн хонх: Түүк. Элт, 1979. 160 с.
 Эрнжәнә К. Аңһучин көвүн: Элт: Хальмг госиздат, 1976. 139 с.

Литература

- Дамдинсурэн Ц., Лувсандэндэв А. Русско-монгольский словарь. Улан-Батор: Госиздат, 1982. 840 с.

- Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков. М.: Тип. М. Г. Волочанинова, 1893. 114 с.
- Захаров Б. А.* О калмыцком воспитании [Электронный ресурс] // URL: <http://www.nutug.ru/kultura/zaharov4.htm> (дата обращения: 15.09.2013)
- Лувсандэндэв А., Цэдэндамба Ц.* Большой академический монгольско-русский словарь. М.: ACADEMIA, 2001. Т. 2. 507 с.
- Митриев И. М.* К исследованию концепта «улыбка» в калмыцкой лингвокультуре // Актуальные проблемы общей и адыгейской филологии. Майкоп: Адыгей. гос. ун-т, 2013. С. 226–228.
- Муниев Б. Д.* Калмыцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1977. 754 с.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2003. 895 с.
- Пюрбеев Г. Ц.* Лексикон жестов-улыбок в монгольской лингвокультуре // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики. Элиста: КалмГУ, 2008. С. 24–28.
- Салмина Л. М.* Улыбка как знак в национальной коммуникативной культуре // Русская и сопоставительная филология: системно-функциональный аспект. Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. С. 118–121.
- Стернин И. С.* Улыбка в русском коммуникативном поведении // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 53–61.
- Уланова, А. Э-Г., Санджиева Э. Н.* Концепты «смех» и «слезы» в калмыцком языке // Этнокультурная концептология. Вып. 1. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2006. С. 157–162.
- Философский словарь.* [электронный ресурс] // URL: <http://slovari-online.ru/word/философский-словарь/радость.htm> (дата обращения: 15.09.2013).
- Экман П., Фризен У.* Узнай лжеца по выражению лица. СПб.: Изд-во Питер, 2010. 206 с.

Sources

- Badmaev A. B. [Run of Aranzal]. Elista: Kalm. Book Publ., 2003. 576 p. (In Kalm.)
- Badmaev A. B. [Mother: Short Stories]. Elista: Kalmgosizdat, 1963. 96 p.
- Baidyev S. A. [Dedication: Poems]. Elista: Kalmgosizdat, 1963. 72 p. (In Russ.)
- Balakan A. [Grey Steppe]. Moscow: Sovremennik, 1968. 397 p. (In Kalm.)
- Balakan A. [Courage]. A novel. Book 1. Elista: Kalm. Book Publ., 1984. 283 p. (In Kalm.)
- Balakan A. [Wild Dogs]. A novel. Elista: Gerel, 2008. 336 p. (In Kalm.)
- Balakan A. [Three Drawings]. Elista: Kalm. Book Publ., 1993. 37 p. (In Kalm.)
- Narmin M. [Boova: Short Stories and Short Novels]. Elista: Kalm. Book Publ., 1961. 123 p. (In Russ.)
- Shugran V. [The First Bell]. Elista, 1979. 160 p. (In Kalm.)
- Erenzhenov K. [The Hunter's Son]. Elista: Kalmyk gosizdat, 1976. 139 p. (In Kalm.)
- Muniev B. D. [The Kalmyk-Russian Dictionary]. Moscow: Rus. yaz., 1977. 754 p. (In Kalm. and Russ.)
- Ozhegov S. I. [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: ITI Technologii, 2003. 895 p. (In Russ.)
- [Philosophical Dictionary]. An Internet resource: <http://slovari-online.ru/word/философский-словарь/радость.htm> (accessed: September 15, 2013). (In Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. [Lexicon of Smiling Gestures in Mongolian Linguoculture]. In: [Ethnocultural Conceptology and Modern Directions of Linguistics]. Elista: Kalmyk State University, 2008. Pp. 24–28. (In Russ.)
- Salmina L. M. [Smile as a Sign in National Communicative Culture]. In: [Russian and Comparative Philology: System-functional Aspect]. Kazan: Kazan State University, 2003. Pp. 118–121. (In Russ.)
- Sternin I. S. [Smile in Russian Communicative Behaviour]. In: [Russian and Finnish Communicative Behavior]. Voronezh: Voronezh State Technical University Publ., 2000. Pp. 53–61. (In Russ.)
- Ulanova A. E-G., Sandzhieva E. N. [Concepts of “Laughter” and “Tears” in the Kalmyk Language]. In: [Ethnocultural Conceptology]. Iss. 1. Elista: Kalmyk State University, 2006. Pp. 157–162. (In Russ.)
- Zakharov B. A. [On Kalmyk Education]. An Internet resource: <http://www.nutug.ru/kultura/zaharov4.htm> (accessed: September 15, 2013). (In Russ.)
- Zhitetsky I. A. [Essays on the Everyday Life of Astrakhan Kalmyks]. Moscow: Print.shop of M. G. Volochaninov, 1893. 114 p. (In Russ.)

References

- Damdinsouren Ts., Luvsandav A. [The Russian-Mongolian Dictionary]. Ulaanbaator: State Publ., 1982. 840 p. (In Russ. and Mong.)
- Ekman P., Friesen W. [Recognize a Liar by his Facial Expression]. St. Petersburg: Piter, 2010. 206 p. (In Russ.)
- Luvsandav A., Zedendamba Ts. [Large Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Vol. 2. Moscow: ACADEMIA, 2001. 507 p. (In Mong. and Russ.)
- Mitriev I. M. [Concerning Study the Concept of “Smile” in Kalmyk Lingvoculture]. In: [Actual Problems of General and Adygean Philology]. Maikop: Adygeya State University, 2013. Pp. 226–228. (In Russ.)